

Зинаида Васильева

Алексей Юрчак. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 604 с. ISBN 978-5-4448-0190-1.

Зинаида Васильева. Адрес для переписки: Центр исследований науки и технологий (Центр STS), Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 3а, Санкт-Петербург, 191187, Россия. zvasilyeva@gmail.com.

Публикация монографии Алексея Юрчака стала событием дважды: после выхода на английском языке (Yurchak 2006b)¹ и после издания ее дополненной русскоязычной версии в 2014 году². Книга быстро стала одной из самых цитируемых в исследованиях о советском: на всех международных конференциях, где мне довелось побывать за последние пять лет, ни один доклад «о советском» не обошелся без ссылки на Юрчака. Впрочем, ссылки не всегда оказываются убедительными: создается впечатление, что книга Юрчака стала обязательной к упоминанию, но не всегда – к внимательному прочтению. Можно сказать, что по иронии судьбы книга подверглась той самой динамике *гипернормализации*, которую автор фиксирует и критически описывает применительно к объекту своего исследования – позднесоветскому дискурсу. На этом фоне, мне кажется, особенно важно вернуться к обсуждению аналитического аппарата Юрчака и внимательно отнестись к деталям.

Главный вопрос, на который отвечает Юрчак, сформулирован на первых страницах книги и перефразирован в заглавии: как получилось, что до самого начала перестройки советский строй воспринимался его современниками как вечный и неизменный, но с началом реформ столь стремительно утратил свои эпистемические основания? То есть автора интересуют не *причины* обвала советской системы, но *условия*, которые, во-первых, незаметно сделали возможным ее неожиданный и быстрый обвал и, во-вторых, подготовили советских граждан к ретроспективному восприятию факта обвала как очевидного и даже закономерного. Чтобы ответить на этот вопрос, Юрчак обращается к нескольким теоретическим моделям, которые, на первый взгляд, могут показаться взаимоисключающими³.

¹ Наиболее резкий обмен мнениями по поводу англоязычной версии книги состоялся на страницах журнала *London Review of Books*, где была опубликована рецензия Шейлы Фицпатрик (Fitzpatrick 2006:18–20) и ответ на нее Алексея Юрчака (Yurchak 2006a). На русском языке представление о дискуссиях, возникших в англоязычном научном сообществе, можно получить из публикации Кевина Платта и Бенджамина Натанса (2010) и рецензии Алексея Голубева (2015). Эссе Платта и Натанса остается, на мой взгляд, самой разработанной реакцией на книгу, несмотря на некоторые неточности (см., например, мой комментарий в сноске 5).

² С критической рецензией на русскоязычное издание выступила Жанна Кормина (2015).

³ Например, Алексей Голубев (2015:18) обнаруживает «внутреннее противоречие» в том, как Юрчак использует теорию субъекта. Мой комментарий об этом дан ниже.

Итак, объектом этнографического описания и антропологического анализа является дискурсивное пространство поздней советской эпохи – социальные контексты, в которых повседневно существовали идеологические высказывания (с. 138) – вербальные, визуальные, поведенческие и т. п. Автора интересует как устройство этого дискурсивного пространства, так и правила пользования им (в духе Людвиг Витгенштейна), и особенно – случаи нарушения этих правил, которые одновременно подтверждают основное правило, но также «разбалтывают», разрабатывая поле его практического применения.

Известно, что публичная политическая коммуникация в поздний советский период часто становилась объектом иронии: единогласные голосования «за», чтение и/или вязание во время партийных собраний, хождение на демонстрации являются типичными примерами того, что принято называть «конформизмом» или некритическим отношением позднего советского субъекта к политической жизни. Подобные примеры неоднократно приводились для обоснования «двоемыслия» и «лицемерия», на которые был обречен советский человек. В своем анализе Юрчак подрывает не только подобные интерпретации, но и саму эпистемическую традицию, которая лежит в их основании.

Теоретическая модель Юрчака строится на парадоксе, сформулированном Клодом Лефором для описания внутреннего противоречия, свойственного идеологии любого современного общества. *Парадокс Лефора*, как называет его автор книги, состоит в том, что «между идеологическими высказываниями современного государства и его идеологической практикой существует неизбежный разрыв» (с. 48–49). В современном обществе легитимность государственного правления всегда обосновывается некой «объективной истиной», лежащей за пределами идеологического дискурса и занимающей, таким образом, метапозицию, истинность которой, однако, невозможно доказать.

В первых главах Юрчак показывает, как в конце 1920-х годов в советском идеологическом дискурсе эту метапозицию занимает Иосиф Сталин, являвшийся единственным «правильным» толкователем марксистско-ленинской теории. Смерть Сталина, разоблачение культа личности и переход партийного аппарата к консенсусной модели принятия решений приводит к тому, что сама возможность внешней метапозиции устраняется. Отныне критерием истинности идеологических высказываний становится их соответствие «классическим текстам» марксизма-ленинизма, которые в результате подвергаются своего рода канонизации и формируют *авторитетный дискурс* (термин, который Юрчак вводит по аналогии с понятием Михаила Бахтина «авторитетное слово»), то есть особый смысловой фон, который оказывается первичным по отношению ко всем другим дискурсам, сосуществующим и взаимодействующим с ним. Авторитетный дискурс организован «вокруг некой внешней, не поддающейся сомнению идеи-абсолюта или догмы» (с. 54) и составляет базовую разметку, набор исходных пресуппозиций, своего рода первичную сетку здравого смысла. «Власть авторитетного дискурса над аудиторией заключается не в том, что она с ним обязательно соглашается, а в том, что она воспринимает его как единственно возможный» (с. 54). В известном смысле авторитетный дискурс принял на себя роль той самой контролирующей ин-

станции, которую прежде занимал Сталин, однако в ситуации отсутствия субъекта-комментатора, находящегося вне системы, авторитетный дискурс неизбежно оказался замкнутым на себе внутри советского идеологического пространства.

На практике это замыкание означало, что массовое производство политических высказываний происходило теперь *по модели* успешных текстов, написанных и одобренных ранее. Каждый новый текст – будь то отчет, портрет, благодарность или некролог – становился вариантом предыдущих, своего рода цитатой или репликой. Бесконечное дублирование идеологических штампов и перенасыщенность общественного пространства разнообразными высказываниями на официальном языке – лозунгами, клише, визуальной пропагандой – привело к тому, что Юрчак называет *гипернормализацией*, или *гегемонией формы* (глава 2), когда буквальное содержание сообщений выхолащивается или уходит на второй план, а основное внимание уделяется форме и соответствию эталонным образцам. При этом, несмотря на определенную канонизацию образцов, форма не оставалась неизменной: обширный репертуар ситуаций, требующих использования авторитетного языка (речи, отчеты и т. д.), приводил к постоянному наращиванию общего количества текстов, написанных *по правилам*, и незаметно расширял внутреннюю вариативность самого авторитетного дискурса. Смысл высказываний, сформулированных по правилам авторитетного языка, состоял уже не в их буквальном значении, но в самом *акте* публичного высказывания. Жизнь продолжается, люди продолжают принимать в ней участие, но буквальное содержание слов и действий, требуемых к произнесению или выполнению, все более ритуализируется: рутинное воспроизведение известных фраз, форм и моделей поведения служит не более чем актом подтверждения индивидуального участия в коллективной жизни.

Это фундаментальное изменение в функционировании идеологического языка Юрчак называет *перформативным сдвигом*, эмпирическое описание которого и составляет большую часть книги. Однако «такой сдвиг на смысловом уровне не обязательно означает, что высказывания на авторитетном языке стали просто “бессмысленным” повторением формы. Напротив, поскольку точное повторение формы высказывания стало важнее его констатирующего смысла, это высказывание могло теперь ассоциироваться с самыми разными, непредсказуемыми смыслами, связанными с тем или иным контекстом. Авторитетный язык открылся для новых неожиданных интерпретаций» (с. 169).

В главах 3–7 на обширном и разнообразном материале Юрчак показывает, как в результате перформативного сдвига участие в публичной жизни по большей части выходит за пределы рефлексивной зоны действия советского человека. Опираясь на теорию перформативности Джона Остина и разработки американских лингвистических антропологов, автор показывает, как в поздний советский период изменяется «место смысла»: смысл идеологических высказываний переходит из констатирующего модуса (когда смысл определяется согласно критерию истинности/ложности) в перформативный (когда исполнение ритуала на уровне поведения фактически замещает логический анализ высказываний). На фоне этого фундаментального внутридискурсивного сдвига люди повседневно продолжают действовать и порождать смыслы, считая значимыми

одни и «пропуская мимо ушей» (либо переводя в иронический модус) другие дискурсивные высказывания.

Не находя в публичном пространстве, размеченном знаками авторитетного дискурса, смыслов, адекватных их субъективному опыту, индивиды начинают порождать свои собственные смыслы, которые они считают качественно *иными*.

Выход за пределы авторитетного дискурса Юрчак называет *детерриторизацией* (с. 233–237), акцентируя внимание на том, что в ситуации тотального покрытия авторитетным дискурсом, с одной стороны, и его постепенного семиотического опустошения, с другой стороны, представители последнего советского поколения освоили новую позицию обращения с этим дискурсом – позицию *внеаходимости*, которая позволяла им одновременно существовать *внутри* него и *помимо* него (глава 4). Материально и телесно присутствуя внутри советского мира и активно и непосредственно участвуя в его воспроизведении посредством многочисленных ритуалов (будь то поднятие рук при голосовании, написание отчетов, заполнение ленинских книжек или участие в демонстрациях), советские граждане одновременно существовали в многочисленных внеаходимых мирах, которые они субъективно воспринимали как «свои» и находящиеся *помимо* системы⁴. Чтобы ввести значимое различие между позицией внеаходимости и позицией сопротивления (как и его неизбежной противоположности – конформизма), Юрчак вводит в свой анализ понятие *публики своих* (с. 248–253), которое позволяет ему преодолеть оппозицию общество vs. система, конформисты vs. неконформисты и выделить в качестве субъекта коммуникации подвижную социальную единицу – сообщество «своих», основанное на общих практиках, но избегающее политического самоопределения (внутри сообщества «своих» политика считается неинтересным и незначимым аспектом жизни). Юрчак показывает, однако, что, несмотря на публичное отрицание политической позиции, *публики своих* являются важными субъектами политической жизни позднесоветского общества и на практике в ситуации субъективного самоопределения оказываются единственным значимым политическим Другим.

С точки зрения социальной теории, книга Юрчака – вклад в анализ взаимодействия субъекта и власти в поздних современных обществах, где случай СССР является частным примером более общих тенденций. Исследуя устройство дискурсивного пространства поздней советской эпохи (авторитетный дискурс), с одной стороны, и практики взаимодействия с ним – с другой, Юрчак показывает, как в конкретных исторических условиях происходит своего рода симбиоз (детерриторизация) тотализирующей системы и включенных в нее субъектов. Интерпретируя Юрчака в духе Мишеля де Серто, можно было бы сказать, что, несмотря на тотальность институциональных и дискурсивных технологий, субъекты оказываются умелыми пользователями, способными освоить и присвоить гегемонию формы, обратив ее в источник своего повседневного творчества. Однако в своем анализе Юрчак идет дальше: в его модели сама тотализирующая система оказывается не угнетающей современной машиной (в духе раннего Мишеля Фуко), но постоянно

⁴ Юрчак различает понятия «внеаходимость» и «внутренняя эмиграция» (с. 265–266).

мутирующим (живым) организмом, зависимым от субъектов-пользователей, которые также постоянно мутируют в ответ на гибридизацию системы⁵.

Неслучайно поэтому, покончив с описанием устройства советского дискурсивного пространства и перформативного сдвига в первых двух главах, в том, что касается анализа взаимодействия субъекта и власти Юрчак обращается к теории детерриториализации Жюль Делеза и Феликса Гваттари и их органицистской модели взаимодействия субъекта и современного общества (глава 3). Избранная модель является принципиально *динамической* и исключает представление о статичных, дискретных, раз и навсегда данных участвующих сторонах: автор подчеркивает, что практики взаимодействия с гипернормализованным пространством всегда находятся в процессе изменения и поэтому не поддаются или по крайней мере эмпирически сопротивляются интерпретациям структуралистского типа с характерными для них стабильными бинарными оппозициями.

Формальный анализ коммуникации тяготеет к синхронии: анализу подвергается единичное, данное здесь и сейчас высказывание, в результате чего коммуникативный акт выглядит однократным и законченным. Однако семиотическая теория Чарльза Пирса, которую использует Юрчак, ставит акцент на процессуальности и потенциальной бесконечности семиозиса: единичный сигнал порождает бесконечную цепочку интерпретаций, уводящую процесс смыслопорождения в направлении, предсказать которое заранее невозможно, как невозможно было предсказать обвал советского строя до его фактического свершения.

С точки зрения Юрчака, именно непредсказуемость направления процесса взаимодействия с правилами авторитетного дискурса (взаимной гибридизации, мутации) и привела в конечном счете к опустошению идеологической сферы для представителя последнего советского поколения при его как будто бы полной незаинтересованности в этом процессе.

В том что касается теории субъекта, Юрчак также обращается к *динамической* аналитической модели: для объяснения взаимодействия с авторитетным дискурсом он апеллирует к анализу отношений автора и героя в литературном тексте у Михаила Бахтина: «Согласно Бахтину, автор и герой не являются ни двумя независимыми друг от друга субъектами, ни единым и неделимым субъектом. Ни голос автора, ни голос героя не имеет абсолютного приоритета над другим голосом во временном, пространственном, ценностном или смысловом плане. Герой не втори-

⁵ В данном случае трудно согласиться с прочтением Кевина Платта и Бенджамина Натанса, которые пишут, что, с точки зрения Юрчака, «последнее советское поколение не только могло избежать, но и, как правило, избегало силового поля официального дискурса». Платт и Натанс считают, что Юрчак отвергает анализ Александра Зиновьева, описывающего взаимодействие идеологии и субъекта через метафору магнитного поля: «Важно то, что люди находятся в постоянном контакте с мощным магнитным полем идеологического воздействия... Они волей-неволей являются частицами в этом поле и получают от него определенный электрический заряд, точку зрения, ориентацию и т. д. Они физически не имеют возможности избежать этого воздействия» (цит. по: Платт и Натанс 2010). На мой взгляд, модель Юрчака не отрицает, но развивает и усложняет анализ Зиновьева: понятие *детерриториализации* акцентирует внимание на том, как «магнитное поле» и субъекты постоянно взаимодействуют и видоизменяют друг друга (приобретают черты пчелиности/орхидейности).

чен автору, поскольку без голоса героя автор бы не имел своего собственного голоса. Голос пишущего субъекта является одновременно голосом автора, создающего литературный текст, и голосом героя, *проживающего* этот текст» (с. 267; курсив добавлен).

Таким образом, представитель последнего советского поколения для Юрчака – это не столько дискурсивный конструкт, сколько *исполняющий* (performing), или *игровой* (в духе Джудит Батлер); при этом понятия «исполнение» и «игра» указывают здесь одновременно как на императив поведенческого скрипта и, следовательно, дисциплины, так и на потенциал интерпретации. Коннотация актерства, неотделимая от понятия «исполнение» не должна, однако, вводить в заблуждение: речь идет не о лицедействе и не о жизни под маской. Хороший исполнитель – это тот, кто одновременно следует правилу и преодолевает, трансцендирует его. Именно это трансцендентное (а, значит, всегда динамическое и непредсказуемое в своих последствиях и эффектах) измерение показывает, почему Юрчак критикует позицию сопротивления, часто указываемую в других исследованиях как единственно возможную позицию неконформизма в тоталитарном обществе.

Отдельно стоит остановиться на некоторых аспектах, которые могут вызывать трудности или, вернее, неудобства, при чтении книги Алексея Юрчака. Хорошо известно, что академическое поле советских исследований всегда было и остается политически ангажированным, являясь в конечном счете территорией для дебатов об исторической роли советского опыта, его политических и этических последствиях как для постсоветских обществ, так и для так называемых западных, которые всегда, словно из зазеркалья, незримо присутствуют в литературе о советском⁶. Если англоязычное издание вышло в свет на волне второго ревизионизма и в целом было хорошо воспринято сообществом, в особенности молодыми историками – приверженцами антитоталитарной модели, то появление русскоязычной версии книги совпало с резким ужесточением централистской политики в России, осуществляемой с опорой на масштабную манипуляцию памятью о советском прошлом. На этом фоне эмпирический материал книги, который в сильно упрощенном виде может быть редуцирован до зазорной формулы «при Брежневе жить было хорошо», может вызывать у читателей вопросы.

Более того, поскольку описываемый период биографически лично знаком многим читателям, то чтение неизбежно провоцирует сопоставление личного («аборигенного») опыта с опытом героев книги и выводами автора. Персонажи Юрчака (даже самые маргинальные) вполне узнаваемы, и в процессе погружения в текст читатель, в особенности постсоветский, неизбежно производит работу самоидентификации по отношению к комсомольским активистам; художникам-портретистам, изображавшим Ленина; юным физикам-любителям западного рока; завсегдагам «Сайгона»; митькам и даже некрореалистам. Проникая вслед за ав-

⁶ Показательна, например, реакция Сергея Жука (Zhuk 2014), который считает популярность книги Юрчака «опасной», так как в американской славистике она «привела к очень опасным эпистемологическим и методологическим последствиям», а именно «неконфронтационным, конформистским и “эмоционально позитивным” подходам к анализу советского и постсоветского общества и культуры» (цит. по: Голубев 2015:21).

тором в мире венаходимости, читатель сам находится в постоянном поиске *публик своих* и в ситуации самоопределения по отношению к этим публикам и мирам. Видимая схожесть опыта на деле оказывается не более чем верхним уровнем прочтения. За обманчивой монолитностью термина *последнее советское поколение* скрывается крайне разнородное, слоистое и расщепленное общество. Читатель то узнает, то снова теряет себя в юрчаковском зеркале последнего советского поколения: завсегда *Сайгона* не хочет соседствовать с комсомольским лидером, пусть даже выполняющим «работу со смыслом» (с. 192–201), а бывший диссидент не готов согласиться с тем, что находится на одной оси с государством (хотя и с полярными знаками), так как на дискурсивном уровне также действует по правилам авторитетного дискурса, где преобладает констатирующий смысл высказываний (в отличие от перформативного) (см., например, с. 214–216, 260–262). Для человека, привыкшего мыслить *политическое* в категориях современной политической теории, крайне неожиданно, что в модели Юрчака политически нерелексивная масса (которую принято уничижительно называть конформистами) оказывается движущей силой революции или, вернее, мутации, которая приводит к необратимым (органическим) трансформациям системы⁷.

Но в том и состояла задача автора – антрополога – оградить знакомый опыт и показать, что привычные (эмные) категории, сформировавшие наше современное политическое воображение, оказываются недостаточными при анализе позднесоветского (как и любого другого современного) общества. Социалистические ценности, воспринятые из авторитетного дискурса, и субъективные желания, сформированные позднесоветским опытом (следование моде, увлечение западной музыкой и т. д.) не противоречили, но *сосуществовали* в картине мира советского человека.

Во вступлении к русскому изданию автор призывает к осторожности при построении параллелей с современностью (с. 26), и все же, закрывая книгу и возвращаясь в сегодняшнюю реальность, задумываешься: где сегодня находятся те *homo ludens*, которые составили последнее советское поколение? Как и куда они инвестировали свой игровой потенциал после перестройки? Очевидно, что те из них, кто наиболее плотно был включен в профессиональные и элитарные сети, оказались в числе активных строителей постсоветского капитализма (с поправкой на то, что отсутствие императива советского авторитетного дискурса аннулировало необходимость дискурсивной и моральной работы по приведению своей деятельности в соответствие с левой риторикой). Другие – уехали. Третьи, вероятно, напоминают персонажа Алексея Иванова – географа, пропившего свой глобус⁸. Некогда «по-митьковски» тихо живущие в своих каптерках под крышами советских «НИИЧАВО», в ситуации капиталистической экономики они оказались вытеснены на обочину социальности, наряду с армией других чародеев и волшеб-

⁷ Непонимание авторского подхода к изучению политического демонстрируют, например, авторы рецензии на сайте Lenta.ru (Туровец, Космарский 2016).

⁸ «Географ глобус пропил» – роман Алексея Иванова (1995) и одноименный фильм режиссера Александра Велединского (2013).

ников. В отличие от эпохи позднего социализма, когда удовлетворение базовых материальных нужд человека было так или иначе гарантировано государством (по крайней мере – в городах), молодой капитализм не оставил пространства для их внеаходимого творчества.

Список легко продолжить, но в любом случае, ни первые, ни вторые, ни третьи не стали «ответственными гражданами» постсоветской России. Приверженность «глубоким истинам» (в отличие от «ясных» – об этом противопоставлении см. с. 255 и далее в рецензируемой книге, а особенно – с. 261–262) позволяет им легко адаптироваться к новым политическим условиям и дискурсивным правилам игры по крайней мере до тех пор, пока они (правила) поддаются творческой переработке в интересах субъективных и внеаходимых миров. Однако этот, по-своему печальный, вывод лишь подтверждает верность анализа Юрчака. Схожую ситуацию мы наблюдаем сегодня и в западных демократиях, где молодое поколение (последнее демократическое поколение?) все реже интересуется политикой и участвует в выборах, однако мастерски владеет техниками внеаходимости, более или менее обеспеченными пособиями по безработице и страховыми и налоговыми льготами.

Книга Юрчака позволяет, однако, поставить к этой ситуации новые вопросы: как в сегодняшней ситуации, когда так называемые демократические модели все больше ставятся под сомнение, мы должны думать о гражданственности? По отношению к каким новым политическим (авторитетным) дискурсам выстраиваются современные глобальные публики своих? Какие институциональные и дискурсивные режимы составляют сегодняшнюю гегемонию формы? Не является ли наша политическая заикленность на выстраивании старой гражданской модели уже заведомо неактуальной? И где искать вдохновения для нового политического воображения?

Тем не менее, продвинуться в этом размышлении применительно к России едва ли возможно без совершения той этической работы по регуманизации советского опыта, которую производит Юрчак по отношению к позднесоветскому субъекту. Избегая ярлыков, оценочных категорий и простых оппозиций, усвоенных из политической теории, книга предлагает взглянуть на позднесоветское общество как сложное и разнородное, одаренное жизненным творческим потенциалом. Как талантливо сформулировал в своем коротком, но внимательном отзыве журналист Александр Горбачев, «“Это было навсегда” – это апология многозначности, многомерности человека, общества и культуры; веская и убедительная отповедь безоговорочности; крайне аргументированное доказательство того, что самое интересное и важное всегда происходит где-то в полутонах, противоречивостях, мерцаниях. Осознания этих обстоятельств чертовски не хватает современным российским общественным дискуссиям...» (Горбачев 2016). Приятного чтения!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голубев, Алексей. 2015. «В поисках внеаходимости. Рец.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение». *Историческая экспертиза* 1(2):13–23.
- Горбачев, Александр. 2016. Текст в авторском блоге *Я просто текст*, публикуется на канале The Daily Prophet, в мессенджере Telegram. Просмотрено 17 августа 2016 г. (<https://tlgrm.ru/channels/@thedailyprophet/370>).

- Кормина, Жанна. 2015. Рецензия на *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*, Алексей Юрчак. *Антропологический форум* 26:209–221.
- Платт, Кевин М. Ф. и Бенджамин Натанс. 2010. «Социалистическая по форме, неопределенная по содержанию: позднесоветская культура и книга Алексея Юрчака “Все было навечно, пока не кончилось”». *Новое литературное обозрение* 1:167–184. Просмотрено 17 августа 2016 г. (<http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/ke12.html>).
- Туровец, Мария и Артем Космарский. 2016. «Скромное обаяние комсомола: Почему брежневский СССР стал героем лучшей научно-популярной книги 2015 года». *Lenta.ru*, 4 января. Просмотрено 17 августа 2016 г. (<https://lenta.ru/articles/2016/01/04/yurchak/>).
- Fitzpatrick, Sheila. 2006. “Normal People.” *London Review of Books* 28(10), May 25, pp. 18–20.
- Yurchak, Alexei. 2006a. “Authoritative Discourse.” *London Review of Books* 28(12), June 22. Просмотрено 17 августа 2016 г. (<http://www.lrb.co.uk/v28/n12/letters>).
- Yurchak, Alexei. 2006b. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Zhuk, Sergei. 2014. “Ukrainian Maidan as the Last Anti-Soviet Revolution, or the Methodological Dangers of Soviet Nostalgia (Notes of an American Ukrainian Historian from Inside the Field of Russian Studies in the United States).” *Ab Imperio* 3:195–208.